

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

УДК 882 Жуковский

И.А. Айзикова

ИСТОКИ ЭПИСТОЛЯРНОГО НАСЛЕДИЯ В.А. ЖУКОВСКОГО
(НА МАТЕРИАЛЕ ПИСЕМ К МАТЕРИ)¹

В статье рассматриваются первые из сохранившихся писем В.А. Жуковского – к матери. Особое внимание уделяется их датировке, сверке с автографами и копиями. Письма характеризуются, с одной стороны, как яркий документ биографии и личности поэта, русского дворянского быта и культуры начала XIX в., а с другой стороны, как коммуникативная структура, в которой закладывались начала эпистолярного наследия писателя-романтика.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, Е.Д. Турчанинова, письмо, датировка, эгодокумент.

Самые ранние из дошедших до нас писем В.А. Жуковского – к матери – относятся к концу 1790-х – 1800-м гг. Их автографы и копии хранятся в рукописном отделе Пушкинского Дома [1, 2], впервые они были опубликованы в 1872 г. П.И. Бартевым в «Русском архиве», с минимальными комментариями [3]. Впоследствии эти материалы были перенесены оттуда в Полное собрание сочинений поэта, изданное в 1902 г. под редакцией А.С. Архангельского [4].

С одной стороны, письма Жуковского к матери, которые входят в ряд немногих сохранившихся документов, раскрывающих первые страницы жизни поэта, имеют широкую известность, с другой стороны, при их публикации до сих пор обходились без сверки с автографами, у них нет точной датировки, не было установлено даже их точное количество. В частности, в публикации П.И. Бартева и в указанном выше ПСС опубликовано пять писем из дошедших до нас шести. Эти письма не привлекали к себе внимания ни как самостоятельная страница в эпистолярном наследии первого русского романтика, ни как яркий эгодокумент русской культуры и быта начала XIX в., ни как интересная для исследования коммуникативная структура. В предлагаемой статье обратимся к названным проблемам.

Прежде всего, очертим портрет адресата писем. По утверждению Б.Л. Модзалевского, единственный документ, содержащий биографические сведения о матери Жуковского – Елизавете Дементьевне Турчаниновой (1754–1811), на основании которого устанавливается год ее рождения, – это хранящийся в рукописном отделе Пушкинского Дома «Указ № 7414 Ее Императорского Величества самодержицы Всероссийской» Московского губернского правления о свободном проживании в России Е.Д. Турчаниновой (Сальхи) от 18 марта 1786 г., с подписью секретаря П. Брауншвейга и печатью Московского губернского правления [5]. Это разрешение было полу-

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта ФЦП № 4 2010-1.1-304-125.

чено Сальхой по ходатайству А.И. Бунина, в дом которого она была отдана на воспитание майором И.К.Г. Муфелем в 1770 г.: «В прошлом 1770 году при взятые города Бендер взята была с протчими таковыми в полон турчанка именем Салха». В документе отмечается, что она «по изучении российского языка была приведена в веру греческого исповедания», получила имя Елизавета и отчество Дементьевна (ее крестным отцом стал Дементий Голембевский, управляющий А.И. Бунина). Здесь приведено и описание внешности Сальхи: «Приметами она росту среднего, волосы на голове черные, лицом смугла, глаза карие, от роду ей тридцать два года».

А.П. Зонтаг в своих «Письмах к кн. П.А. Вяземскому» [6] создает образ Сальхи на основе семейного предания, известного ей от бабушки, М.Г. Буниной, от самой Елизаветы Дементьевны и опираясь на собственные воспоминания. Согласно семейной легенде один крестьянин из Мишенского в 1774 г. привез А.И. Бунину «двух турчанок, родных сестер: 16-летнюю Сальху, уже вдову, – муж ее был убит под стенами Бендер, – и 11-летнюю Фатьму, которая скоро и умерла. Но Сальха, прекрасная, ловкая, смиренная, добронравная, как ни горевала, но осталась покорна своей участи и все надеялась, при размене пленных, возвратиться в отечество. Пленные были возвращены, но о пленных женщинах никто не думал, и Сальха осталась, по своим турецким понятиям, невольницею. Ее очень любило все семейство г. Бунина». А.П. Зонтаг подчеркивает, что Сальха, «как невольница, по своим магометанским понятиям, покорилась» А.И. Бунину «во всем», но душою была предана М.Г. Буниной, от которой «не слыхала никогда неприятного слова» [6. С. 268].

Сальха была нянькой младших дочерей Буниных, потом домоправительницей, распорядившейся слугами и хозяйственными делами по усадьбе. Всю жизнь в России Сальха провела при своей хозяйке – М.Г. Буниной¹, которая реально решала судьбу и ее сына, В.А. Жуковского, в детстве и юности. М.Г. Бунина, по характеристике ее внучки А.П. Зонтаг, «для своего века женщина редкой образованности», «необыкновенно умная», добрая, кроткая, отличающаяся редким «терпением» [6. С. 267], от рождения Жуковского определила его положение в своей семье. Оно было довольно сложным – незаконнорожденный сын служанки и надворного советника, взятый его женой в дом и воспитанный наравне с собственными детьми и внуками. По рассказу А.П. Зонтаг, новорожденного сына Елизаветы Дементьевны по приказанию М.Г. Буниной окрестили в господском доме, после чего «Марья Григорьевна подошла посмотреть на прекрасного мальчика и со слезами благословила его. Она думала о своем единственном сыне, умершем за два года перед тем <...>. Сердце ее <...> с этой минуты усыновило новорожденного» [6. С. 270].

А.П. Зонтаг утверждает, что «маленький Васинька сделался любимцем всей семьи», что «у него была кормилица, мамушка, нянюшка, – одним сло-

¹ М.Г. Бунина и Елизавета Дементьевна умерли одна за другой, почти одновременно. Елизавета Дементьевна, приехав к сыну в Москву, чтобы сообщить ему о смерти М.Г. Буниной, последовавшей 13 мая 1811 г., умерла там 25 мая 1811 г. Жуковский похоронил ее на кладбище Новодевичьего монастыря и поставил на ее могиле камень с буквами «Е. Д.», т. е. Елизавета Дементьевна. Позднее Жуковский писал: «Я не успел быть сыном моей матери; в то время, когда начал чувствовать счастье сыновнего достоинства, она меня оставила» (цит. по: [7. С. 77]).

вом, он пользовался всеми правами сына» [б. С. 270]. Со слов А.П. Зонтаг, Елизавета Дементьевна тоже «страстно любила» сына, «но была с ним очень строга и ворчала на него», «обожала его, но не могла видеть без того, чтобы не бранить его, и это продолжалось во всю жизнь ее. Жуковский всегда молча и почтительно выслушивал эту брань, по большей части несправедливую. Бабушка же (М.Г. Бунина. – И.А.) <...> была с ним ласкова и снисходительна ко всем его детским затеям» С. 271, 276). Постоянными словами М. Г. Буниной, по воспоминаниям А. П. Зонтаг, были следующие: «Если бы мой сын, Иван Афанасьевич, был жив, и того я не могла бы любить больше Васи» [б. С. 276].

Итак, члены семейства Буниных любили «милого, доброго ребенка <...> без памяти» [б. С. 271], принимали в нем участие, многое делали для обеспечения его будущего, заботились о его хорошем образовании, добывали ему бумаги о военной службе и грамоту на дворянство, чего не делалось для других внебрачных детей, воспитывавшихся в этой семье. А.И. Бунин в своем завещании, составленном 3 июня 1791 г., распорядился о выделении Сальхе и ее сыну средств к существованию. Как указывает А.П. Зонтаг, М.Г. Бунина, поделив свое состояние между детьми, потребовала, чтобы каждый наследник выплатил по 2500 руб. Жуковскому и его матери, что составило капитал в 10 000 руб., отданный Елизавете Дементьевне [б. С. 277]. Принципиальное значение имело приобретение родственниками для Жуковского в 1810 г. именина в Холхе – владение крепостными душами к началу шестой переписи населения легализовало его дворянский статус. И далее можно приводить другие факты, подтверждающие любовь семейства Буниных к Жуковскому¹.

Однако в дневнике Жуковского, в самых ранних его записях (от 1805 г.), звучат мысли об одиночестве, о желании любви «не из милости», которой он никогда не имел:

Одиночество <...> вот что меня теперь мучит. Я один; <...> мне недостает ободрения. <...> с теми, кто вокруг меня, я не связан <...> самое общество матушки, по несчастью, не может меня делать счастливым: я не таков с нею, каков должен быть сын с матерью; это самое меня мучит, и мне кажется, я люблю ее гораздо больше заочно, нежели вблизи. Я не был счастлив в моей жизни <...> Не имея своего семейства, в котором бы я что-нибудь значил, я видел вокруг себя людей мне коротко знакомых, потому что я был перед ними выращен, но я не видал родных, мне принадлежащих по праву; я привыкал отделять себя ото всех, потому что никто не принимал во мне особого участия и потому что всякое участие ко мне казалось мне милостию. Я не был оставлен, брошен, имел угол, но не был любим никем, не чувствовал ничьей любви; следовательно, не мог платить любовью за любовь, не мог быть благодарным по чувству, а был только благодарным по должности: мне сказывали, что надобно быть благодарным, и я верил или, лучше сказать, повторял самому себе чужие слова. Это сделало меня холодным. <...> Я так не привык к тому, чтобы меня любили, что всякой знак любви кого-нибудь ко мне кажется мне странным и чем-то необыкновенным, – следствие непривычки видеть чью-либо ко мне привязанность и отвечать на нее. <...> Для чего я не имел такого человека, который бы дорожил моим счастьем, который бы был моим хранителем и путеводцем! Я бы любил его, как своего Бога! Но я был один, всегда один! (от 26 авг. 1805 г.) [б. С. 25–26].

Эта запись, по собственному признанию Жуковского, была сделана «в худом расположении духа», но тем не менее она весьма примечательна. Мо-

¹ Например, напомним, еще одно семейное предание о клятве, данной М.Г. Буниной умирающему мужу в том, что «с Лизаветой» она «никогда не расстанется, а Васинька будет» ее «сыном». См: [б. С. 275].

тив одиночества, сквозной в приведенной дневниковой записи, перешедший и в творчество Жуковского начала 1800-х гг., конечно, совпадал с преромантическими веяниями в русской лирике этого периода и отчасти мог быть вызван увлечением Жуковского преромантизмом (см., например, «Стихи, сочиненные в день моего рождения», 1803), вместе с тем, по-видимому, он отражал и какие-то реальные стороны жизни юного Жуковского в доме Буниных.

Для характеристики места поэта и его матери в семье Буниных, их взаимоотношений показательное материальное положение Жуковского во время и сразу после его обучения в Москве, обсуждавшееся в письмах как одна из главных тем. О том, что все содержание Жуковского М.Г. Бунина взяла на себя, пишет А.П. Зонтаг [6. С. 277], а об отсутствии или постоянной нехватке у Жуковского собственных средств можно судить по его переписке с матерью¹. Мать все время пишет Жуковскому о деньгах, припоминая каждую копейку, данную ему на строго определенные цели, и требуя от него «реестра» всех трат:

Посылаю <...> денег 50 р., из коих я приказывала купить мне мех заячий и ножичек, а оставшие тебе; да при отъезде моем оставила я тебе 15 р., и у тебя было еще столько же, почему и полагаю я достаточно для тебя будет для исправления своих нужд. А советую и прошу тебя, друг мой, оставить мундир свой делать до приезда нашего. Это прихоть, Васинька, не согласующаяся с твоим состоянием. Лучше, мой друг, подумай о шубе, какую должно приготовить к зиме. <...> Не мотай, пожалуйста. Я по моей записке видела, кроме нынешних, издержала для тебя от нового года 90 рублей. <...> Пожалуйста, Васинька, учись хозяйничать, старайся вникать в экономию <...> Всеми своему имению до малейшей потребности веди записку, а по приезде потребую обо всем от тебя реестр (7 июля 1801 г.) [11. С. 213].

О растроченных однажды без разрешения 25 рублях Елизавета Дементьевна вспоминала сыну спустя год после этого события: «А ты, мой друг, все еще не перестаешь мотать. Вспомни, как ты, рассчитывая оставленные у тебя деньги, полагал, что будет довольно и на книги. А ныне принялся за новую трату. На первый раз я тебя прощаю и позволяю оставленные на книги 25 рубл. употребить. Но вперед берегись от подобных поступков, а особливо без позволения моего». Рукой М.Г. Буниной здесь же сделана приписка: «Мать не сердилась и ничего не сказала» (из письма от 8 авг. 1801 г.) [11. С. 214].

Важнейшей темой писем Елизаветы Дементьевны к сыну является, наряду с финансовой, «великая благодарность» к благодетелям «Васиньки» и наставления ему не забывать о своих «милостивцах», но при этом «стараться себя основать хорошенько», не надеясь ни на кого, самому «найти линию к дальнейшему счастью», в «необходимом случае» употребляя и «гибкость».

Наконец, говоря о письмах Жуковского к матери, отметим его особое, необычайное уважение и почтение к Елизавете Дементьевне и в целом подчеркнем внимание начинающего писателя к теме семьи, к образу матери. О семье как главной опоре в жизни Жуковский много размышляет в своем дневнике, начиная чуть ли ни с первых записей. «<...> Моя первейшая цель есть

¹ Известно, что сложное финансовое положение Жуковского стало одной из причин его обращения в начале 1800-х гг. к прозаическим переводам. Желанием заработать вызван был его первый большой по объему прозаический перевод – роман «Мальчик у ручья» (1801), которым открывается художественный путь Жуковского-прозаика. К. Зейдлиц в своей книге «Жизнь и поэзия Жуковского» сообщает: «В Пансионе содержали Жуковского М.Г. Бунина и П.Н. Юшков, но карманных денег ему давали мало. Он должен был умножать их своими литературными трудами. Очень кстати пришлись ему требования книгопродавцев на <...> переводы с немецкого, с французского» [9. С. 21]. См. также: [10. С. 7–8].

наслаждение семейственной жизнью», – записывает он 4 июля 1805 г. 10 июля этого же года вновь пишет: «Итак, цель моей жизни должна быть деятельность <...> в литературе <...> в составлении счастья моего семейства». В августе 1806 г., намечая план своей будущей жизни, поэт называет три ее составляющие: «семейственную, авторскую, общественную» [8. С. 15, 16, 34]. Значительное место занимают образ и тема матери в записной книжке Жуковского 1807 г. «Разные замечания», представляющей собой примечания к статьям на морально-психологические темы из «Энциклопедии» Дидро и Д'Аламбера¹. Теме материнства посвящены ранние прозаические переводы Жуковского: «О средствах дать совершенное здоровье детям. Сочинение Самуила Крузиуса. Перевод с немецкого», «Письмо первое» (см.: [12. С. 138]). Впоследствии семья, дети, материнство и отцовство станут важнейшими темами размышлений Жуковского в дневниках и письмах, прочно вошедшими и в его творчество.

Обратимся к собственно письмам и рассмотрим первое письмо Жуковского к матери. Оно было написано 20 ноября 1795 г. из Кексгольма:

*Милостивая государыня матушка
Елизавета Дементеевна!*

Я весьма рад, что узнал, что вы, слава Богу, здоровы, что же касается до меня, то и я так же по Его милости здоров и весел. Здесь я со многими офицерами свел знакомство и много обязан их ласками. Всякую субботу я смотрю развод, за которым следую в крепость, в прошедшую субботу шодши таким образом за разводом, на подъемном мосту сорвало с меня шляпу и снесло прямо в воду, потому что крепость окружена водою. Однако по дружбе одного из офицеров ее достали.

Еще скажу вам, что я перевожу с немецкого и учусь ружьем. Впрочем, прося вашего родительского благословения и целую ваши ручки, остаюсь навсегда

*Ваши
послушный сын
Васинька [2. Л. 1–1 об.]*

13-летний Жуковский впервые оказался довольно далеко от дома: по просьбе М.Г. Буниной Д.Г. Постников, тульский помещик, майор, знакомый Буниных, отвез его в крепость Кексгольм, на явку в Нарвский пехотный полк². Письмо юного Жуковского передает его *впечатления* от жизни в кре-

¹ Здесь поднимаются проблемы воспитания ребенка матерью, утверждаются мысли о том, что материнская брань должна являться несчастьем для детей, что мать в их глазах должна быть «живым правосудием», что первые впечатления младенца о жизни исходят от матери, что связь ребенка с матерью, особенно в первые годы его жизни, не должна разрываться ни на минуту, и т. д. См.: [8. С. 42, 462].

² Дело в том, что Жуковский, в соответствии с правилами времени, был со дня рождения записан в военную службу. Согласно «Формулярному списку о службе ординарного академика Императорской академии наук, тайного советника Василия Андреевича Жуковского», составленному поэтом в 1850 г., еще в 1785 г., двухлетним мальчиком, он был определен А.И. Буниным в Астраханский гарсарский полк в чине сержанта, в 1789 г. был произведен в прапорщики и принят в штат генерал-поручика М.Н. Кречетникова младшим адъютантом. Сделано это было во многом ради возможности в дальнейшем присвоить незаконнорожденному Жуковскому дворянское звание (о проблеме получения Жуковским дворянского статуса, в том числе и о факте записи двухлетнего Жуковского в Астраханский полк, а точнее – о его отсутствии и наличии фиктивного формуляра о службе «младшего адъютанта из поляков», подписанного М.Н. Кречетниковым и послужившего основанием для решения Тульского дворянского депутатского собрания, принятого в июне 1795 г., о выдаче грамоты на внесение В.А. Жуковского в дворянскую родословную книгу Тульской губернии, см.: [13. С. 220–222]. После обращения А.И. Бунина с прошением об отставке Жуковского из военной службы 8 ноября 1789 г.

пости. Однако в первую очередь «послушный сын Васинька» *сообщает* «Милостивой государыне матушке Елизавете Дементеевне», что он наслышан о ее хорошем самочувствии и что он сам «здоров и весел», «со многими офицерами свел знакомство и много обязан их ласками». Вслед за этой канонической для жанра письма информативной частью идет *описание* любимого развлечения, которым для мальчика стало следование в крепость за разводом через подъемный мост. Судя по всему, никаких особых событий в жизни ребенка не происходило, но даже при таком течении жизни автор письма находит материал для *рассказа* о сорванной ветром шляпе и ее спасении. Завершается письмо опять-таки информацией об обучении стрельбе из ружья, которое, однако, будущий поэт перемежает переводами с немецкого. И далее идут традиционные просьбы о «родительском благословении» и закрепившаяся впоследствии формула окончания письма: «целуя ваши ручки, остаюсь навсегда Ваш послушный сын Васинька».

Второе из дошедших до нас писем Жуковского к матери было написано ровно через месяц – 20 декабря 1795 г. из той же крепости и по той же коммуникативной модели, скорректированной лишь одним моментом. «Послушный сын Васинька» пишет данное письмо с конкретной целью – поздравить «милостивую государыню матушку Елизавету Дементьевну» с наступающим Новым 1796 годом. Дата письма заключена в виньетку, вероятно, чтобы подчеркнуть его праздничный характер:

Милостивая государыня матушка!

Елизавета Дементеевна,

Имею честь вас поздравить с праздником и желаю, чтоб вы оный провели весело и здорово. О себе честь имею донести, что я, слава Богу, здоров и чрезвычайно рад, что и вы так же здоровы. Недавно у нас был граф Суворов, которого встречали пушечною пальбою со всех бастионов крепости. Сегодня у нас маскарад, куда и я также пойду, ежели позволит Дмитрий Гаврилович (Постников. – И.А.). Впрочем, желая вам всякого благополучия, остаюсь

Ваш

послушный сын

Васинька [1. Л. 7–7 об.]

Жизнь самого Жуковского в Кексгольме описывается по схеме рассмотренного выше первого письма. Сначала следует *сообщение* о том, что он здоров и «чрезвычайно рад» по поводу здоровья матушки, далее следуют два неразвернутых в полнокровный нарратив сюжета о полковой жизни – о посещении кексгольмской крепости графом Суворовым, «которого встречали пушечною пальбою со всех бастионов крепости», и о «маскараде», который должен был состояться в полку 20 декабря, вероятно, по случаю приближающегося праздника, куда и юный Жуковский собирался пойти, «ежели позволит Дмитрий Гаврилович».

оно было удовлетворено. В 1790 г. Бунины переехали в Тулу, где Жуковский был определен в пансион Х.Ф. Роде. Однако в связи со смертью А.И. Бунина было принято решение о необходимости Жуковскому снова поступить на военную службу – в Нарвский полк, который был выбран потому, что в нем ранее служил его отец И.А. Бунин. Однако Жуковский не получил разрешения на вступление в полк в связи с тем, что Павел I, сменивший на престоле Екатерину II, запретил брать на действительную службу несовершеннолетних офицеров. После трехмесячного пребывания в Кексгольме и недолгого пребывания в Петербурге (в феврале 1796 г.) Жуковский вернулся в Тулу, в дом Юшковых.

Интересно сравнить это письмо с другим, написанным Елизавете Дементьевне Д.Г. Постниковым на оборотной стороне листа:

Милая моя Лизавета Дементьевна, Васинька твой здоров и мил, и весел. Привезу его к тебе на год в отпуск, а ежели хочешь, то и больше. Будь покойна. Жди нас. Прощай, милая, желаю тебе быть здоровой (2 сл. нрзб.). Много тебя любящий Д. Постников [1. Л. 7 об.].

Как видим, Д.Г. Постников сводит содержание письма исключительно к информации, которая, с его точки зрения, только и могла интересовать мать, – о здоровье и настроении сына, о возможной встрече с ним.

Еще одно письмо из Кексгольма, без даты, судя по содержанию, было написано после Крещения, которое отмечают 6 января (по старому стилю):

*Милостивая государыня матушка
Елизавета Дементьевна!*

Имею честь вас поздравить с наступившим новым годом и желаю, чтоб вы оный и множество таковых провели благополучно и здорово.

О себе честь имею донести, что я, слава Богу, здоров и весел. У нас здесь, правду сказать, очень весело, в Крещение была у нас Иордань, куда ходили с образами, и была пушечная пальба, и солдаты палили из ружей. Впрочем, желая вам всякого благополучия, остаюсь навсегда

*Ваши
послушный сын
Васинька [2. Л. 3 об.]*

Письмо открывается поздравлениями «с наступившим новым годом» – в использованной в предыдущем письме официальной форме. Установить дату этого письма помогает и *рассказ* Жуковского о веселом праздновании Крещения, которое опять-таки предваряется традиционной *информацией* о здоровье и настроении.

Письмо № 4 также не имеет даты. Б.Л. Модзалевский, указывая, что 15 февраля 1800 г. Жуковский после отставки поступил на службу в Главную соляную контору, датирует письмо февралем-мартом 1800 г. и отмечает, что оно было написано из Москвы:

*Милостивая государыня матушка
Елизавета Дементьевна!*

Григорий приготовил деньги за себя, только дело остановилось за тем, что он не знает, куда он приписан по подушному окладу, и каким образом там укреплен; итак, извольте потрудиться, об этом осведомиться и поскорее ко мне прислать; да не худо бы было, когда бы вы попросили Михайлу Ивановича, чтобы он сделал одолжение написал черную отпускную, ибо я хотя и пустился в статские скрипопёры, но ничего такого написать не умею, за что я ему отвешу земной поклон. Григорий не может теперь дать более 625 рублей, а других 25-ти просит подождать, ибо теперь их у него нет и – так как и Бог кающихся прощает, я чистосердечно признаюсь, что из вышереченных 625 рублей взял 25, – на что? вы спросите? – На книги, отвечаю я и уже вижу, что вы сердитесь, – но вы, конечно, меня в том простите, я уверен в этом совершенно; ибо, учивши меня столько времени тому, сему, вы не захотите, чтоб я это забыл, и все деньги, которые вы за меня платили в пенсион, были бы брошены понапрасну – итак, как бы то ни было, вы, конечно, простите меня за то, что из 625 рублей взял я 25 на нужные книги – с этою сладостною надеждою остаюсь с истинным почтением и преданностью,

*милостивая государыня матушка
ваши
послушнейший сын.*

*Хорош послушный! скажете вы, 25 рублей взял; на что я отвечаю еще громче – препослушный сын
В. Жуковский [1. Л. 2–2 об.]*

В конце копии письма рукою переписчика сделана следующая приписка чернилами: «Без означения года и числа, но из адреса видно, что он жил в Москве, в доме Авдотьи Афанасьевны Алымовой, на Арбате, в Приходе Николая Явленного, в Гodeинском переулке»¹. Попробуем внести некоторые уточнения в датировку, указав на темы и нарративные особенности письма.

Во-первых, Жуковский называет себя в этом письме «статским скрипопером», из чего следует, что он уже служит в Главной соляной конторе, куда, судя по «Формулярному списку о службе», будущий поэт был определен 15 февраля 1800 г., еще до окончания Благородного пансиона при Московском университете. Реально же его служба могла начаться не ранее июня 1800 г., после выпускных экзаменов в пансионе. Попутно заметим, что формула «статский скрипопер» очень ярко характеризует отношение Жуковского к чиновничьей службе вообще и к собственной службе в Соляной конторе, в частности.

Во-вторых, не менее важно, что Жуковский признается матери в том, что он не умеет правильно составлять документы. Это признание ему приходится сделать в связи с главной темой письма: речь идет об оформлении отпускной крепостному А.И. Бунина, дворовому человеку Григорию. Судя по письму, Жуковский, иронизирующий в отношении «скрипоперов» и настроенный куда более возвышенно, чем они, вместе с тем в полной мере понимает роль документа в судьбе человека и относится к этому очень серьезно, глубоко вникая в прозаическую, материальную суть дела. Он просит мать уточнить необходимые детали, без которых рассчитывать на результат не приходится, несмотря на то, что Григорий «приготовил деньги за себя». Особенно важным Жуковскому, вошедшему в бумажную жизнь чиновников, представляется составление отпускной, и он просит мать обратиться к управляющему Мишенским, Михаилу Ивановичу Звереву, чтобы тот сам «написал черную отпускную» Григорию, за что обещает ему «отвесить земной поклон».

Особый интерес представляет часть письма, посвященная финансовой стороне дела, каковой, однако, ее можно назвать лишь отчасти. Здесь Жуковский, уже не столь уверенный в позиции адресата, уповаает на то, что «Бог кающихся прощает», и чистосердечно признается Елизавете Дементьевне в том, что из собранной Григорием суммы в 625 руб. и переданной ему на хранение он взял 25 руб. на «нужные книги». Ситуация представлена Жуковским прежде всего в нравственно-психологическом плане, как двойственная: самовольная трата чужих денег, но на «нужные книги». Сложной предполагается и реакция матери: «<...> уже вижу, что вы сердитесь, – но вы, конечно, меня в том простите». Примечательны подобранные автором в свое оправдание аргументы: «<...> учивши меня столько времени тому, сему, вы не захотите, чтоб я это забыл, и все деньги, которые вы за меня платили в пансион, были бы брошены понапрасну». В соответствии с этим находится сымитированный автором письма диалог с адресатом: «<...> я чистосердечно признаюсь, что из вышереченных 625 рублей взял 25, – на что? вы спросите? – На книги, отвечаю я <...>». В диалог трансформирована даже традиционно монологическая концовка письма.

¹ Ни конверта, ни адресного листа в архиве не сохранилось.

Эта трата («на нужные книги»), ставшая одной из важнейших тем письма, является очень важной характеристикой молодого Жуковского, получающего в Соляной конторе 175 руб. в год, тяготящегося своей службой и всей душой устремленного к литературе, философии, самообразованию. В письме от 22 августа 1800 г. А.Ф. Мерзлякову, обсуждая вопросы о сути человека, его жизни, надежд и желаний, под знаком NB Жуковский так характеризовал свое служебное положение: «Я пишу всё это в гнилой конторе, на куче больших бухгалтерских книг; вокруг меня раздаются голоса толстопузых, запачканных и разряженных крючкоподъячих; перья скрипят, дребезжат в руках этих соляных анчоусов и оставляют чернильные следы на бумаге; вокруг меня хаос приказных; я только одна планета, которая, плавая над безобразною структурою мундирной сволочи, мыслит au dessus du Vulgaire и – пишет к тебе письмо» [14. С. 220].

Выйдя в отставку, весной 1802 г. Жуковский возвратился в Мишенское, рассчитывая отдаться творчеству, самообразованию. С этой целью он привез в деревню купленные в Москве книги, которые уже тогда составляли хорошую библиотеку; об одной из таких покупок Жуковский и писал матери в рассмотренном выше письме. По словам К. Зейдлица, «в списке книг» Жуковского было «множество французских, немецких и английских исторических сочинений, переводы греческих и латинских классиков, стихотворения и другие произведения изящной словесности на иностранных языках, полные издания Шиллера, Гердера, Лессинга и проч...» [7. С. 52] (см. также: [15, 16].

Примечательно и письмо Елизаветы Дементьевны, обращенное к Авдотье Степановне и Илье Васильевичу Астраковым, находившимся с нею в дружеских отношениях, именно в связи с той суммой денег, о которой ей написал сын. Приведем его здесь:

Милые друзья Илья Васильевич и Авдотья Степановна!

Благодарю вас, милые, что вы меня помните. Я, ей-ей, сама вас не забываю никогда. Желаю всем сердцем вам самого лучшего здоровья и спокойствия. Я не буду больше тяготять вас моими просьбами о неоставлении моего Васиньки, будучи уверена, что вы его не забудете и оставите мне одно попечение чувствовать ваши одолжения и быть за них благодарною. Деньги, взятые за Григория, я велела Васеньке отдать в сохранение ваше. А если можно одолжить меня больше, отдать их в верные руки из процентов. Целую милых детей ваших. Всегда вам верный друг

Елизавета

Аграфена Ивановна вам свидетельствует почтение и благодарит за (1 сл. нрзб.). Она не пишет за болезнью своего батюшки [1. Л. 1]¹.

Следующее письмо Жуковского к матери – тоже без даты. Поскольку оно не вошло в публикацию П.И. Бартенева и в состав ПСС под редакцией А.С. Архангельского, опишем его автограф. Письмо написано чернилами, на белой бумаге, сложено по горизонтали вдвое (размер листа 18 x 11,5):

¹ На л. 1 об. адрес: «Его благородию государю моему Василью Андреевичу Жуковскому на Арbate в приходе Николы Явленного, в Годеинском переулке: в доме Авдотьи Афанасьевны Алымовой в Москве».

*Милостивая государыня матушка
Елизавета Дементьевна.*

Честь имею вас поздравить с светлым Христовым воскресеньем; желаю от всего сердца, чтобы вы провели его весело, с приятностью и здорово. Скоро надеюсь я вас увидеть. Чувствительно благодарю вас за ваше милостливое письмо, которое меня обрадовало; только я желал бы, чтобы вы для себя, а не для меня старались иметь что-нибудь и думали больше о своем спокойствии – сделайте милость, матушка, поздравьте от меня Петра Николаевича и детей с праздником и Катерину Афанасьевну – я спешу писать, чтобы поспеть на почту. Простите; с сердечным почтением и любовью,

*милостивой государыни матушки
ваши
покорный сын
В.Ж. [1. Л. 5]*

Судя по всему, это письмо было написано из Москвы незадолго до Пасхи, в конце марта – начале апреля 1805 г. (до 9 апреля, на которое приходилась Пасха в 1805 г., по старому стилю). Оно является не только поздравительным, но и ответным на полученное от Елизаветы Дементьевны. Предмет последнего представлен предельно редуцированно и требует от современного комментатора специальных разысканий, в результате которых данное письмо Жуковского разворачивается в важный сюжет о его личности и жизни.

Дело в том, что в своем письме Елизавета Дементьевна рассказывала сыну о том, как продвигается перестройка их дома в Белеве, подаренного Жуковскому Авдотьей Афанасьевной Алымовой еще в августе 1797 г.¹ Мысль о том, чтобы отремонтировать ветхий дом и поселиться там с матерью, приходит Жуковскому еще в 1803 г., о чем он пишет А.Ф. Мерзлякову, приглашая его посмотреть место его будущего дома.

В письме от 24 авг. 1803 г. Мерзляков уже спрашивает Жуковского: «Скоро ли твой дом? Хотел бы посмотреть на него, хотел бы посмотреть на тебя, как на хозяина». Летом 1804 г. Мерзляков пишет Жуковскому, обещая приехать в Белев с Воейковым: «Нам не надобно твоего дома, если он не отстроен: мы проживем в палатке. Стихи твои будут нагревать сердца наши; а твоя ласковая, простая дружба украсит самые прекрасные виды, представляющиеся с крутого берега Оки, где строится твоя храмина» (цит. по: [7. С. 60]). В дневнике от 30 июля 1804 г. Жуковский записывает: «Пришла матушка, говорила о строении, делала расчеты не весьма нужные и давно ею сделанные» [8. С. 9].

В своем письме Елизавета Дементьевна сообщала, что дом почти готов, что строится «изба людская», советовала сыну «в Москве купить задвижки для растворчатых окон и также крючки, чтобы рамы не бились». И далее она писала сыну: «Желания твои о моем счастье чрезвычайно меня тронули. Конечно, мой друг, я с тобою надеюсь быть счастлива и спокойна; любовь твоя и почтение, право, одни могут сделать меня благополучной. А во мне ты на-

¹ Вероятно, в целях подтверждения недавно полученного поэтом дворянского статуса внутри семьи была совершена фиктивная сделка – Жуковский стал собственником дома в Белеве, якобы проданного ему его сводной старшей сестрой Авдотьей Афанасьевной Алымовой. Нет оснований считать, что между Жуковским и Алымовой была совершена реальная купля-продажа: известно, что собственных средств у Жуковского в тот момент не было, и Авдотья Афанасьевна Алымова, разошедшая к этому моменту с мужем и переехавшая жить к матери в Мишенское, вполне могла уступить брату собственный дом в Белеве без денег. Во всяком случае, в купчей 1808 г., по которой Жуковский продавал этот дом, уже перестроенный им, Е.И. Протасовой, о сумме за покупку дома в 1797 г. ничего не сказано (см. ниже).

прасно сомневаешься, я очень чувствую, какого имею сына, и если когда с тобою бранюсь, то право, это от лишних хлопот. А когда даст Бог, будем жить в своем домике, то ты можешь быть уверен в моем снисхождении и доверенности; увидишь, что у тебя есть добрая мать, которая только твоего счастья и желает» (цит. по: [17. С. 63–64]).

Орловские краеведы В. Власов и И. Назаренко указывают, что дом Жуковского находился на высоком берегу Оки, откуда открывался чудесный вид¹. В этот дом, построенный в надежде на счастье, во многом ради матери, Жуковский переехал в декабре 1805 г. В связи со смертью П.Н. Юшкова, мужа В.А. Юшковой (последовавшей 4 декабря 1805 г.), все обитатели Мишенского поселились на зиму у Жуковского в Белеве. Зажили большой семьей. Елизавета Дементьевна выступила в роли умелой домоправительницы. Жуковский много читал, был занят литературной работой: в декабре 1805 г. он переводит «Опустевшую деревню» Голдсмита, весной 1806 г. делает свободный перевод эпистолы А. Попа «Послание Элоизы к Абеляру», переводит фрагмент из элегии Э. Парни и др., трудится над составлением «Собрания русских стихотворений» и многим другим.

Поэт общается с Киреевскими, с бароном И.П. Черкасовым, отцом будущего декабриста А.И. Черкасова, близко знакомится с Ф.Г. Вендрихом, большим знатоком немецкой литературы, переводчиком. Однако чувство неудовлетворенности собой и своей жизнью, ощущение одиночества не покидают Жуковского. К тому же к весне 1806 г. дом Жуковского опустел: мать, мечтавшая о доме прежде всего ради сына, большую часть времени проводила у М.Г. Буниной, родные разъехались – кто в Мишенское, кто в Долбино. «Что мне делать в эти три месяца, которые проживу один совершенно», – пишет Жуковский в дневнике 1 марта 1806 г. [8. С. 29].

Как раз на это время приходится составление поэтом планов на будущее, и Жуковский, занявшийся перестройкой дома из желания, чтобы «магушка была не несчастна, имела все нужное» [8. С. 14], вспоминает то, о чем мечтал он еще в июне 1805 г., в самый разгар строительства: о своих планах ехать за границу для продолжения учебы в университетах Германии (Жуковский нашел уже себе и кредитора – А.А. Прокоповича-Антонского), а потом издавать журнал («Вестник Европы») в Москве: «Путешествовать 3 года, с половины 1806 до половины 1809-го года. Возвратясь, начать выдавать журнал, продолжать это издание четыре года» [8. С. 13]. Здесь же напомним о попытках Жуковского найти взаимопонимание с Е.А. Протасовой, которые заканчиваются неудачей, что тоже выталкивало поэта из Белева, который он и покинул в ноябре 1806 г., уехав в Москву, где оказался в центре литературной жизни России.

Наконец, обратимся к последнему из дошедших до нас писем Жуковского к матери, оно тоже без даты. Б.Л. Модзалевский датирует его летом 1811 г. и указывает, что оно писано из Москвы. Однако и здесь требуются уточнения,

¹ Судьба дома в дальнейшем сложилась так: на средства, собранные по подписке по всей России, дом был приобретен почитателями таланта поэта-романтика для организации в нем народного училища им. В.А. Жуковского, торжественно открытого в 1872 г. Позже, незадолго до начала Великой Отечественной войны в доме был открыт литературно-мемориальный музей Жуковского. Этот памятник культуры был уничтожен фашистами.

которые позволяет внести тема письма. Речь в нем идет о продаже белевского дома Жуковского и о пересылке Е.А. Протасовой купчей. Информационная часть письма, отличающаяся лаконизмом, на деле предельно содержательна. За нею – новый поворот судьбы и творчества поэта.

Уже ранней весной (в марте) 1806 г., после того, как Елизавета Дементьевна вновь перебралась в Мишенское к М.Г. Буниной, а Е.А. Протасова с дочерьми – в Троицкое, Жуковский решает продать свой опустевший дом. Не сделав этого по просьбе матери Жуковский отправился в Москву и снова вернулся в Белёв в мае 1806 г. Тогда же в Белёв приехали Протасовы, и мысль о продаже дома отступила, но ненадолго. В июне 1807 г. Жуковский принял окончательное решение занять место редактора «Вестника Европы» (с января 1808 г.). А.А. Прокопович-Антонский предложил Жуковскому три комнаты в его доме при пансионе, что было очень удобно, т. к. университетская типография располагалась рядом. Поэт уезжает летом 1807 г. в Белев, чтобы решить вопрос о продаже дома и подготовиться к переезду в Москву. Окончательно вопрос с продажей дома решился к лету 1808 г.

О.Е. Глаголевой обнаружена купчая, датируемая 10 сентября 1808 г., по которой Жуковский продавал свой белевский дом¹ родственнице Е.И. Протасовой², сестре А.И. Протасова (муж Е.А. Протасовой), за сто рублей. Купчая, об отправлении которой Жуковский сообщает матери в последнем из дошедших до нас письме³, не только помогает его датировать, но и описывает первую «собственность» Жуковского, тот дом, в котором поэт жил в 1805–1807 гг., где им были написаны многие из его первых произведений:

¹ После продажи дома, обсуждаемой в рассматриваемом нами письме, какое-то время жизнь Жуковского оставалась связанной с родными местами. Незадолго до войны 1812 г. и после нее он жил в Муратове и Черни, в зрелые годы эти связи нарушаются, поэт все реже посещает «сердцу милый край», хотя тоска по этим местам становится лейтмотивом его творчества. Осенью 1839 г. (в сентябре, октябре) Жуковский в последний раз побывал в Черни, Мишенском, Белеве, Муратове, где он нарисовал портреты уже дочерей А. и М. Протасовых (Александры и Екатерины). Позднее он писал об этой поездке: «Я увидел опять все родные места, и милые живые и мои мертвые со мной все повидались разом; все это совокупилось в одно, как будто для того, чтобы поставить живую грань между всем прошедшим моим и будущим» (цит. по: [17. С. 333]). Еще позднее о Мишенском писала А.П. Зонтаг в своих воспоминаниях: «Тогда Мишенское было не таково, как теперь. <...> Строение сгнило и развалилось; пруды, сорвав плотины, ушли; сажалки поросли камышом. <...> Мишенское все еще прекрасно своим местоположением, а для меня имеет двойную прелесть своими воспоминаниями. Здесь все напоминает Жуковского. Церковь, где мы вместе молились; роща и сад, где мы гуляли вместе, любимый его ключ Гремячий и, наконец, холм, на котором было переведено первое его стихотворение: Сельское кладбище, вышедшее в свет. Этот холм сохранил название: Греева Элегия» [6. С. 279].

² Новой хозяйке бывшего своего дома Жуковский посвятил одно из своих многочисленных шуточных произведений, созданных в 1811 г. в Муратове, – «Елена Ивановна Протасова, или Дружба, нетерпение и капуста. Греческая баллада, преложенная на русские нравы Маремьяном Даниловичем Жуковятниковым, председателем комиссии о построении Муратовского дома, автором тесной коношни, огнедышащим экс-президентом старого огорода, кавалером ордена трех печенок и командором Галиматъи...», где речь идет уже об участии Жуковского в строительстве усадебного дома в Муратове. См. коммент. О.Б. Лебедевой: [18. С. 560-564].

³ Именно купчую просили Жуковского прислать Елизавете Дементьевне в коллективном письме, написанном рукою А.П. Киреевской: «Матушка ваша, слава Богу, здорова, продает дом свой Елене Ивановне Протасовой за три тысячи рублей; и для того приказала мне просить вас, чтобы вы прислали сюда купчую на землю. На чье она имя?» (Цит. по: [7. С. 133]). Судя по письму, Жуковский отправил эти бумаги Е.А. Протасовой. Разночтения в полученной за дом сумме (по бумагам и на деле), по-видимому, объясняются обоюдным желанием продавцов и покупщицы уменьшить размер указной пошлины.

Лета 1808-го сентября в Десятый день из дворян Адьютант, а ныне Титулярный Советник Василий Андреев сын Жуковский, продал я госпоже девице покойнаго статскаго советника Ивана Яковлевича Протасова дочери Елене Ивановне благо приобретенной мною крепостной своей, доставшейся мне прошлаго 1797 года Августа в 27й день от госпожи действительной статской советницы Авдотьи Афонасьевны Алымовой по купчей, Деревянной дом состоящей Тульской губернии в городе Белеве в седьмом на десять квартале под номером седьмым, построенной ею на отведенном ей по Высочайше Конфирмованному Плану из пустопорожжаго и никому по крепостям не принадлежащаго городского выгона, со всяким в нем деревянным строением и с огородом, которой уже мною дом по покупке перестроен другим фасадом на каменном фундаменте; то и со всею моею вновь учиненною ко оному дому и двору разною пристройкою, мерою ж под оным домом и двором как по пред сказанной дошедшей мне купчей значит, состоит земли: Длиннику по обеим сторонам по тридцать по семи сажень, поперешнику в переднем семнадцать сажень, в заднем концах десять с половиною сажень, или что окажется может все без остатку, А взял я Василий с нее Елены за оной свой дом со всем хоронным и дворовым строением денег сто рублей; с коей суммы и указыные пошлины платить ей покущице... При сей купчей из дворян бывшей адьютант, а ныне титулярный советник Василий Андреев сын Жуковский... руку приложил... (Цит. по: [13. С. 224].

Прежде чем привести последнее из дошедших до нас писем Жуковского к матери (написанное, таким образом, после 10 сентября 1808 г.) – о продаже дома и о том, что купчая отправлена, обратим внимание на его форму, стиль: деловое письмо строится на обыгрывании мотивов болезни и денег, которым неожиданно продолжено сообщение о здоровье автора и об отсылке родственникам купчей:

Целую ваши ручки, милый друг матушка, имею честь вам доложить, что я, слава Богу, здоров и что надеюсь через две недели вас увидеть. Бумаги, касательно до дому, послал по вашему приказанию на прошедшей еще почте к Катерине Афанасьевне; очень рад, что дом продается. С тех пор, как у меня завелось очень много денег (в воображении), чувствую, что богатым очень весело; мне хочется привыкнуть иметь деньги, эта болезнь имеет свои приятности, хотя лекарств от нее очень много и хотя я сам не из последних лекарей. Думаю, однако, что мои ближние не заплакали бы, когда бы я занемог богатством и занемог неизлечимо. Пошли мне Господи эту черную немочь: покуда, скажу вам еще раз, что я здоров и здоров во всех отношениях. Целую ваши ручки. Дай Бог, чтоб я нашел вас спокойными, веселыми, здоровыми и пр. и пр. [2. Л. 6–7].

Мы видим, что коммуникативная стратегия даже делового письма, традиционно ориентированная на передачу информации и на серьезный тон, активно развивается Жуковским в сторону художественности, предполагавшей эстетическое восприятие текста. Оно написано с легкой иронией, в шутливой форме, которой отличаются все «домашние» тексты Жуковского, о чем пишут многие исследователи (Н.В. Соловьев, Р.В. Иезуитова и др.).

Подводя общий итог вышесказанному, отметим, что письма Жуковского к Елизавете Дементьевне трудно назвать хроникой жизни и тем более «зеркалом души» поэта (в отличие, например, от писем А.И. Тургеневу этого же периода), но в их отдельных деталях представлено отношение Жуковского к семье, дому, т.е. к тому, чего у поэта не было с детства и к чему он всю жизнь, с ранних лет, осознанно стремился, терпя поражение за поражением. Уже в ранних письмах поэта высвечивается становление его социально-этических ориентаций, его психологические проблемы, связанные с отношениями с матерью, со своим положением в семье Буниных, с попытками найти себе место в окружающем мире. В этих письмах просматриваются контуры идеалов Жуковского и основной стержень его мироощущения, строящегося на сентименталистской системе нравственных ценностей и романтической философии несовпадения идеалов с действительностью. Жанр письма зарож-

дается у Жуковского тоже на стыке двух направляющих – жизни и творчества, в связи с чем поэтика писем демонстрирует органичное совмещение информативности и художественности как амбивалентных начал нарратива.

Литература

1. Пушкинский Дом (ИРЛИ). ОР. № 27743.
2. Пушкинский Дом (ИРЛИ). ОР. № 27744.
3. Русский архив. 1872. № 12. Стб. 2363–2366.
4. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений: в 12 т. СПб., 1902. Т. 12. С. 56–58.
5. Пушкинский Дом (ИРЛИ). ОР. № 27880.
6. Письма А.П. Зонтаг, урожд. Юшковой, к кн. П.А. Вяземскому 1854 г. // Русская мысль. 1883. № 2.
7. Власов В., Назаренко И. «Минувших дней очарованье». Тула, 1979.
8. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 т. М., 2004. Т. 13.
9. Зейдлиц К.К. Жизнь и поэзия В.А. Жуковского: По неизданным источникам и личным воспоминаниям. СПб., 1883.
10. Семенко И.М. Жизнь и поэзия Жуковского. М., 1975.
11. Русский архив. 1883. Кн. 1.
12. Айзикова И.А. Жанрово-стилевая система прозы В.А. Жуковского. Томск, 2004.
13. Глаголева О.Е. Детство и юность В.А. Жуковского: уточнение фактов биографии поэта (по архивным материалам) // Жуковский и время. Томск, 2007.
14. Журнал Министерства народного просвещения. 1911. Ч. 32. Март–апр.
15. Библиотека В.А. Жуковского: Описание. Томск, 1981.
16. Библиотека В.А. Жуковского в Томске: в 3 т. Томск, 1978–1988.
17. Афанасьев В. Жуковский. М., 1986.
18. Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 12 т. М., 1999. Т. 1.